Неделя 5-я Великого поста
Житие преподобной Марии Египетской
в кратком изложении

Источник: Сайт Православие.Ru

Роман Балакшин

Племя сарацин-кочевников в пятом веке было настоящим бичом Божиим для христиан Палестины. Их летучие отряды внезапно налетали на селения, грабили, жгли, убивали и так же быстро исчезали в пустыне, словно это были привидения, а не люди. Сторож на дозорной вышке большого селения заметил вдалеке облачко пыли. Пока он размышлял, что бы это могло быть, облачко росло. Когда сторож увидел в облачке мелькавшие, как короткие молнии, сабли, он забил тревогу, но было поздно. Разбойники влетели в село, врывались в дома, поджигали кровли и полосовали саблями направо и налево.

Вскоре там, где недавно было цветущее селение, дымились пепелища и всюду валялись трупы мужчин, пытавшихся защитить свои семьи.

На пороге одного дома плакал мальчик Зосима. Злодеи убили его родителей. Соседи, сами еле сводившие концы с концами, не могли взять мальчика к себе и отвели его в монастырь. Сострадательный отец настоятель с любовью принял сироту и через какое-то время постриг в монахи. В молитвенных подвигах прошло пятьдесят лет. Мальчик превратился в седовласого старца, постника и молитвенника. Из близлежащих сел и из дальних городов приходили к нему люди за духовным советом.

Лукавый дух долгие годы искушал старца помыслами и соблазнами, пытаясь свести его с молитвенного пути, но отбегал, побежденный. Вкушал ли Зосима пищу, трудился ли на монастырском послушании, в сердце его не умолкала Иисусова молитва, неизменно он пребывал кротким и смиренным.

Но дух зла настойчив и хитер, всевозможные уловки изобретает он, чтобы проникнуть в человеческую душу. Использует малейшую промашку, чтобы свить в душе человека гнездо.

Не отступал дух от Зосимы и чуть не добился успеха.

Завершив иноческое правило, Зосима задумался о себе ночью в келье.

— Есть ли на земле инок, — неосторожно размечтался он, — подобный мне, такой же молитвенник и постник? Сыщется ли человек, который превзошел бы меня в иноческих подвигах?

Сам того не чуя, Зосима искусился грехом гордыни.

На помощь Своему избраннику пришел Господь. Еще не окончил Зосима своих горделивых мечтаний, как явился к нему посланный Господом Ангел.

— Зосима, — сказал Ангел затрепетавшему иноку, — ты усердно и доблестно исполняешь свой подвиг. Но есть подвиги гораздо труднее пройденных тобой. Ступай в монастырь, лежащий при реке Иордан, там ты убедишься в справедливости моих слов.

Не смея ослушаться Ангела, Зосима простился с братией родного ему монастыря, и через четыре дня пути перед ним заблестели воды святой реки. Игумен Иорданского монастыря радушно встретил славного Зосиму, отвел ему светлую келью, часто приходил к нему побеседовать о спасении души, о молитвенном подвиге.

В этом монастыре был примечательный обычай. В первую неделю Великого поста за литургией все иноки причащались Святых Христовых Тайн, вкушали немного пищи, затем снова собирались в церкви и после продолжительной коленопреклоненной молитвы выходили за ворота обители с небольшим запасом хлеба и воды. Переправившись за Иордан, они расходились в разные стороны, чтобы в пустынном одиночестве провести Великий пост. Возвратившись в монастырь за неделю до Воскресения Христова, никто из иноков не расспрашивал друг друга, как он провел время в пустыне и чем занимался.

Старец Зосима, как и все иноки, блуждал по пустыне, молясь и предаваясь богомыслию.

К концу третьей недели одиноких странствий Зосима утомился. В прежней обители у него была крыша над головой, а здесь днем палит солнце, ночью где-то вблизи рычит лев и заливисто, пронзительно хохочут шакалы. А то, случается, налетит песчаная буря, ветер швырнет в лицо сухую горсть песка, точно тысячи мелких иголок вопьются в кожу. Томительные часы лежишь на земле, закутавшись до макушки в плащ, пока не уймется буря. Над головой свистит и завывает ветер, а на зубах скрипит песок.

Тягостен с непривычки показался Зосиме этот молитвенный подвиг. Стал он считать дни, оставшиеся до возвращения в монастырь, и даже подумывал, не вернуться ли туда прежде срока. Одно происшествие образумило его.

Чтобы отогнать малодушные помыслы, Зосима пел молитвы шестого часа. Вдруг он вздрогнул: на песке рядом с его тенью четко отпечаталась еще одна человеческая тень. «Должно быть, бесовское наваждение», — подумал старец, еще громче читая молитвы. Но тень не исчезала. Зосима обернулся и невольно попятился. Перед ним стоял человек. Вернее, существо, похожее на человека. Кожа его была темно-коричневого, даже черного, как подгоревший пирог, цвета. Седые, косматые волосы длинными прядями закрывали его грудь и плечи. Человек был голый, ни клочка одежды не было на нем. И все же это был человек.

Глаза, живые человеческие глаза внимательно и чутко смотрели на Зосиму. Не встретив за много дней скитаний по пустыне ни одной человеческой души, Зосима радостно шагнул к диковинному незнакомцу. Но тот проворно отбежал от него подальше.

— Постой, — крикнул Зосима, — не убегай от меня. Остановись. Подойди ближе и скажи: кто ты?

— Я не могу подойти к тебе, — отвечал незнакомец, — ведь я женщина. Дай мне что-нибудь из твоей одежды.

Зосима бросил ей свой заплатанный плащ, женщина закуталась в него и подошла к старцу.

— Благослови меня, — попросил он ее.

— Нет, авва Зосима, — сказала женщина, — благословлять можешь только ты, ведь ты священник, а не я.

Преподобный Зосима не верил своим ушам: как эта женщина, которую он видит впервые, знает его имя и сан. Должно быть, она прозорливая, святая.

— Нет, духовная мать, — возразил Зосима, — я должен смиренно просить у тебя благословения, ибо вижу, что ты человек праведный, на тебе почивает благодать Божия.

Уступая просьбам Зосимы, женщина благословила его и спросила:

— Скажи, как нынче живут христиане и святая Церковь?

— Молитвами святых угодников, — отвечал Зосима, — Церковь благополучна, и слово Божие проповедуется по всей земле невозбранно. А теперь давай помолимся Господу за весь мир и за нас, грешных.

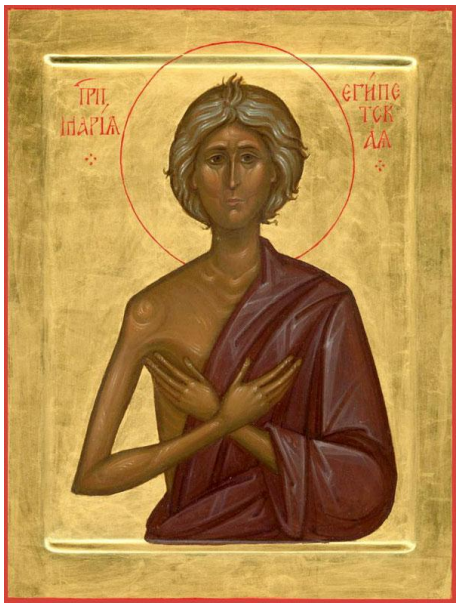
Женщина повернулась на восток, беззвучно шепча слова молитвы. Молился и Зосима. Вдруг колени

его подкосились, и он упал на песок: пустынная праведница оторвалась от земли на целый локоть и стояла на воздухе, словно на каком-то твердом возвышении.

Боже мой, ужаснулся Зосима, ведь это дух, призрак, а я просил у него благословения.

— Напрасно ты смущаешься, отче, — закончив молиться, сказала женщина и подала старцу руку, помогая ему подняться. — Я не призрак. Ты чувствуешь, что рука моя подобна твоей, она из плоти и крови.

Зосима долго молчал, ошеломленный увиденным, и стал настойчиво умолять женщину рассказать ему о себе: кто она, откуда, как оказалась здесь?



— Я не сойду с места, пока не узнаю о твоей жизни. Поверь, мать, я гордился своими подвигами, но они — ничто в сравнении с твоими трудами. Расскажи, поведай мне о себе.

— Что же я могу рассказать тебе? — вздохнула женщина. — Я большая грешница. Я столько зла принесла в мир, посеяла так много семян порока, что и двух жизней не хватит, чтобы отмолить их. Нет, не о чем мне рассказать тебе.

Зосима видел, что в душе женщины живет чувство неподдельного смирения, и продолжал умолять ее. Наконец, женщина согласилась.

— Мне больно рассказывать про свою прошлую, постыдную жизнь, — начала она. — Но я обнажу перед тобой свою душу. Когда ты все узнаешь обо мне, не погнушайся мною, помолись, чтобы я смогла получить милость в день Страшного Суда.

Слушая бесхитростный рассказ пустынницы, скорбел и печалился старец Зосима. Как рано, оказывается, грех может поработить человека и так опутать его тенетами пагубных привычек, что человек поистине находится у греха в плену.

Зосима, ребенком помещенный в монастырь, не знал многих соблазнов мирской жизни, а его собеседница родилась в Египте в небольшом селении. От проходивших через селение купцов девочка услыхала о богатом и красивом городе Александрии. Он так велик, что его не обойти за неделю; он так богат, что купцы со всего света съезжаются в него, а жить в нем настолько легко, что любой человек, если он не последний тупица, запросто найдет там себе занятие по душе. Слова купцов запали в сердце девочки.

— Неужели я родилась для того, — подумала она, — чтобы красота моя увяла в деревенском захолустье, в этой скучной, глухой дыре? Разве справедливо, когда одни люди получают наслаждения в Александрии, а я осуждена прозябать в неизвестности, всю жизнь возиться с овцами, курами, да прясть шерсть? С того дня все мысли ее были связаны с Александрией. В воображении город представал перед ней прекрасным, сказочным замком, и она любила хвастаться перед подружками, что имя ее прогремит в Александрии.

Поучения отца и матери мечтательница пропускала мимо ушей, стала огрызаться, грубить родителям, и в двенадцать лет она ночью сбежала из дома.

Александрия и в самом деле была велика, богата и красива, и абсолютно равнодушна к провинциалке. Проголодавшись, девочка просила поесть, но пирожники и хлебопеки оплеухами прогоняли ее от своих лотков. Чтобы не помереть с голоду, она предалась пороку и быстро полюбила такую жизнь: днем спать, а ночью прожигать свою жизнь на пирах. Имя ее действительно стало известно всей Александрии, но это была не добрая, а позорная слава распутницы и блудницы.

— Через семнадцать лет развратной жизни, — рассказывала подвижница Зосиме, — на набережной, возле знаменитого маяка я встретила толпу народа. «Куда вы идете?» — спросила я. — «На корабль, отправляющийся в Иерусалим на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста», ответили мне. Отправилась с ними и я. На корабле я нашла разгульную компанию. Ничуть не задумываясь, в какой город плывет судно, мы, упиваясь вином и возбуждая себя непристойными

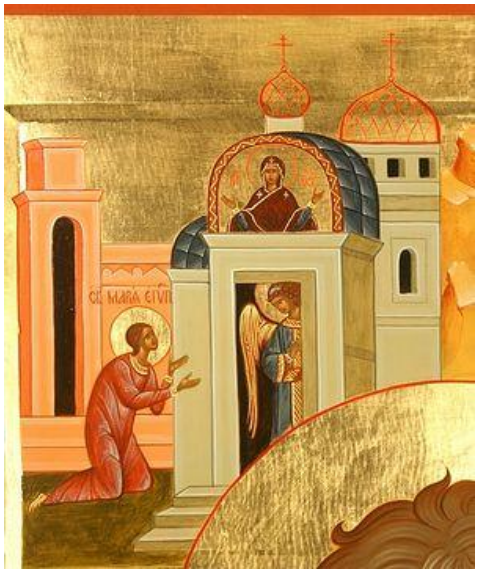
песнями, беззаботно проводили время. И даже, прибыв в святой город, все дни до Воздвижения я провела не в посте и молитве, а в самом грязном разгуле.

В день праздника я вместе со всеми богомольцами, как ни в чем не бывало, пошла в церковь и… не смогла переступить порога. Я сердилась, злилась, но передо мной стояла невидимая преграда, не позволявшая мне войти в храм. Прячась за людей, пригнувшись, я хотела тайком прошмыгнуть в дом молитвы, но незримая стена отсекла меня от шагавшего впереди меня богомольца.

Понапрасну измучав себя, я вышла на паперть и в изнеможении прислонилась к стене. А мимо меня в церковные врата шли и шли люди.

— До чего же ты дожила, — сказала я себе самой. — В день Страшного Суда отделят от зерна мякину, чтоб сжечь ее, а ты уже сейчас отделена от всех, ты уже сейчас никому не годный сор. Ты изменила обетам святого крещения, своими грехами ты каждый день распинаешь Христа. Ты уподобилась псам, которым запрещено входить в храм.

На стене паперти висела икона Богородицы.



— Пресвятая Владычица, — вспомнив себя невинной, чистой девочкой, молилась я. — Повели, чтобы я могла войти в церковь и увидеть Честное Древо, на котором был распят Твой Сын. Я более не оскверню мое тело блудом и пойду туда, куда Ты укажешь!

В тот же миг я почувствовала необычайную легкость во всем теле и свободно вошла в храм. Когда я приблизилась к Честному Кресту, слезы раскаяния и умиления хлынули из моих глаз.

Покидая храм, я вновь остановилась перед иконой Богородицы.

— Благодарю тебя, всемилостивая Владычица, — сказала я, — что Ты сжалилась надо мной. Теперь наставь меня на путь покаяния.

— Мария, — источился от иконы струящийся голос, — ступай за Иордан, там ты найдешь свое полное успокоение.

Я вышла из храма. На дороге кто-то сунул мне в руку три медных монетки, на которые я в ближайшей лавке купила три хлебца.

Достигнув на другой день реки Иордан, я омылась в ней, причастилась в церкви Иоанна Предтечи Святых Христовых Тайн и удалилась в пустыню, где и обитаю до сего дня. Сорок семь лет назад я оставила Иерусалим.

— Что же ты ела в эти годы?

— Хлебы, которые я купила, понемногу высохли и обратились в камень, их я и вкушала семнадцать лет, а потом питалась травами. Но чаще всего словом Божиим, ибо *не хлебом единым будет жив человек* (Мф. 4, 4). Одежда на мне истлела, летом я жестоко страдала от зноя, а зимой тряслась от холода. Не раз я падала, словно бездыханная, на землю, претерпевая муки.

Но страшней мук голода, страданий телесных были муки душевные. Воспоминания о прежней распутной жизни так истязали меня, что я боролась с ними, как с лютыми зверями. Собираясь съесть несколько крох окаменевшего хлеба, я вспоминала фрукты, мясные блюда, всевозможные лакомства, которыми я насыщала свое чрево. Раздобыв где-нибудь воды, я думала о вине, которого некогда пила вдоволь. Эти воспоминания сводили меня с ума. В памяти моей вставали картины моих греховных похождений, сцены распутства восставали передо мной, как живые. В прежние годы я услаждалась этими воспоминаниями, но теперь они ранили мою душу, как шипы терновника. Вновь и вновь я взывала к Господу, дабы простил Он меня, принял мое покаяние. А сейчас мы должны расстаться. Никому не рассказывай обо мне, пока Господь не призовет меня к Себе. Мы встретимся с тобой снова через год. Принеси с собой Святых Христовых Тайн. А теперь иди с миром.

Святая подвижница на прощание поклонилась Зосиме. Долго старец смотрел ей вслед, затем

поцеловал то место, где она стояла, и отправился в свою обитель.

По дороге он со стыдом припоминал свои былые, горделивые мысли о себе. «Ты превозносился перед самим собой, невесть что мнил о себе, — думал Зосима. — А Господь преподал тебе урок, показав смиренную святую подвижницу, которая не гордится собой и ничуть не сожалеет, что никто в мире не знает о ней».

Год пролетел, как один день. Снова приблизилось Светлое Христово Воскресение. В Великий Четверг Зосима, взяв малую чашу со Святыми Тайнами, отправился знакомым путем к Иордану.

Поджидая святую угодницу, Зосима смотрел на разлившийся Иордан и думал, как же она переправится через реку. На берегу нет ни лодки, ни плота.

Наступила ночь, на небо вышла яркая луна. В ее свете Зосима увидел пустынницу, подошедшую к берегу. Она осенила реку крестным знамением, ступила на серебристую лунную дорожку, пересекавшую водную гладь, и как по земле, перешла по ней Иордан.

Созерцая это чудо, Зосима в молчаливой молитве восторженно благодарил Господа, еще раз показавшего ему, насколько он далек от совершенства.

Святая пустынница попросила Зосиму прочесть Символ веры, после чего причастилась Христовых Тайн, и со слезами воскликнула:

— Ныне отпущаеши рабу твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром…

— Отче, — сказала святая Зосиме, — исполни еще одно мое желание. Нынче ступай в монастырь, а на следующий год приходи, чтобы снова увидеть меня, — так хочет Бог.

— Как бы я хотел, — сказал старец, вздохнув, — видеть тебя не через год, а каждый день. Видеть и слушать слова, которыми через тебя поистине вещает Святой Дух.

Прошел еще год. Зосима торопливо шагал по пустыне — так ему хотелось скорее увидеть святую угодницу. Вот ручей, у которого беседовали они. Еще издали он заметил лежащее на песке тело. Это была пустынница. Руки усопшей были сложены крестообразно на груди, глаза закрыты, но лицо светло и красиво той красотой, какой Господь удостаивает только святых. Припав к ногам усопшей, Зосима оросил их слезами.

В изголовье умершей старец прочел сделанную на песке надпись: «Погреби здесь, авва Зосима, тело смиренной Марии».

Так завершила свой земной путь великая святая Православной Церкви — преподобная Мария Египетская.

Со слезами и молитвой похоронил ее старец и возвратился в монастырь. Там рассказал он братии о ее подвигах.

Из жития преподобной Марии мы видим, что нет такого греха, который нельзя было бы искупить чистосердечным покаянием. Если мы сумеем одолеть наши порочные наклонности, то этим духовным подвигом мы так же верно угодим Богу, как угодила Ему святая Мария Египетская.

Преподобная мати Марие, моли Бога о нас!

Дорогие друзья! Пожалуйста, отнеситесь к церковному листку бережно. Если он станет вам или вашим близким больше не нужен – принесите его в церковную лавку.

Приветствуется копирование и распространение в просветительских целях.
© 2019 Православный просветительский центр, г. Дюссельдорф pravcenter.de